

**«Мы во Фьезоле поедем...»
Фрагменты записи вечера, посвященного
Михаилу Алексеевичу Кузмину
(Фонд Культуры,
из цикла литературно-мемуарных программ
«Былое и Думы»)**

*Публикация Е. Белодубровского (независимый исследователь, Санкт-Петербург)
и Г. Петровой (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург)*

*Прикосновение к Петербургу уводит в мир
былого и возвращает утраченную жизнь...
(Н. П. Анциферов. «Душа Петербурга»)*

28 января 1989 года в Ленинграде в «Доме Архитектора» на улице Герцена, состоялся первый (с довоенных времен) вечер в честь М. А. Кузмина (1872–1936) в составе литературно-мемуарной программы «Былое и Думы» «Советского Фонда Культуры». Как известно, он был основан Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в 1986 году. Осенью того же года Дмитрий Сергеевич пригласил меня оставить мою прежнюю работу на Ленинградской Студии Телевидения (где я прослужил ни много ни мало 25 лет) и с его «мандатом» перейти на службу в штат Ленинградского Отделения Фонда с полным окладом и с полным правом осуществления моих идей и проектов, то есть на так называемый «карт-бланш». Дело это было новым и действительно давало простор для инициатив, тем более при такой поддержке. Одним из первых моих предложений (прямо, как говорится «с колес»), одобренных Дмитрием Сергеевичем в его кабинете на первом этаже в Пушкинском

Доме¹) был сложный, трудоемкий организационно и технически проект — собирать и записывать на магнитофон устные воспоминания ленинградцев из числа ученой, академической, поэтической, литературной, художественно-театральной и научно-педагогической интеллигенции (в основном, по выражению моего друга и единомышленника академика А. В. Лаврова, в «продвинутом возрасте») как свидетелей и участников сложнейших исторических событий и катаклизмов, выпавших на долю нашей Северной Пальмиры на протяжении почти всего XX века. Во-первых (и это главное), мы получали своеобразный достоверный (почти из первых рук и прямо с голоса) документ эпохи (а также образец нашей уникальной русской речи и словес, получивший в науке название «петербургский текст»). Что и требовалось доказать, то есть в том и состояла миссия фонда, задуманная Д. С. Лихачевым. Но надо сказать прямо, что к этому времени у меня уже был довольно изрядный опыт собирать и записывать устные воспоминания и байки разных людей старшего поколения. В начале 1970-х годов в свои страдные сайгонские времена я принялся было самостоятельно заниматься историей петербургских гимназий, и первой оказалась гимназия Карла Мая на Васильевском Острове с ее историей и тьмой-тьмушей выдающихся выпускников...

С легкой руки писателя Льва Васильевича Успенского, «майского жука», ведущего страничку «Слово о словах» на Телевидении в моей авторской программе «Монитор», где он впервые подробно рассказал о Школе К. Мая и назвал имена вышедших из ее стен: А. Н. Бенуа, Н. К. Рериха, всех Модзалевских, братьев Ливеровских, Френкелей, Семеновых-Тян-Шанских и их потомков: целый необъятный мир людей и судеб моих земляков — руку протянуть... И вот они привели меня в Пушкинский Дом с вопросами к неполному «майскому жуку» Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, который с какой-то особой благодарностью вернулся к своей школьной юности и щедро делился всем, что ему вспомнилось и открылось. Дважды я был у него на даче в Комарово. В результате наших встреч и бесед Дмитрий Сергеевич написал для меня очерк о годах, проведенных в стенах «Школы Мая», который с его разрешения был напечатан

---

¹ См. подробнее: *Белодубровский Е. Б.* Набережная Дмитрия Лихачева // *Новый журнал.* 2007. № 246. С. 294–306.

отдельно в журнале «Аврора»² (пролежавшей в редакции «под сукном» ровно семь лет) и в нашей книжке «Школа на Васильевском».³ Остается добавить, что и до этой истории я был более-менее известен Димитрию Сергеевичу как постоянный многолетний читатель Рукописного отдела Пушкинского Дома и по рекомендации тогдашнего заведующего читальным залом А. Д. Алексеева и писателя-«достоиевиста» С. В. Белова был привлечен к описанию личных библиотек философа Н. Н. Страхова, историка К. Н. Бестужева-Рюмина и индолога И. П. Минаева, хранящихся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета, для основанного Лихачевым в начале 1970-х годов нового академического издания под названием «Памятники культуры. Новые открытия».

Итак, заручившись поддержкой Лихачева, я своевольно дал и название свой программе и опубликовал имена и темы первых избранных («на мой кошт») и вокруг них моего «Былого...»: А. А. Ахматова, М. Л. Лозинский, М. М. Зощенко, Н. П. Анциферов, академик П. Л. Капица, О. Э. Мандельштам, Е. Л. Шварц ... и, конечно, М. А. Кузмина, как известно, зачинателя, я бы сказал точнее, штурмана, русского модернизма.

Что же касается названия «Былое и Думы» — шедевра А. И. Герцена на все времена и эпохи — на могущие быть разговоры или даже обвинения меня в плагиате, я «обращал» таковых к истории нашей литературы, в которой имеется одна курьезная примета: вдруг, нет-нет, откуда не возьмись, неожиданно-негаданно, и, как говорится «на полном серьезе», на свет божий и на прилавках книжных магазинов, и на полках библиотек появляются продолжения «Горя от ума», «Евгения Онегина», тургеневского «Дыма», «Мертвых душ», «Героя нашего времени», «Обломова», «Войны и мира», «Воскресенья», «Идиота», поэм Некрасова (и почти под теми же названиями). Досужие авторы этих книжек словно не могут смириться и «смирить» нас, читателей что вот так, просто, с последней точкой, кончается жизнь Чацкого или Татьяны, Чичикова, Печорина, Грушницкого, Казбича, Ильи Ильича, Ростовых, Базаровых, Безуховых, Неклюдовых, Мышкиных, Епанчиных... Конечно, эти попытки (подчас та-

² См.: Белодубровский Е. Б/ «Дом на Васильевском» // Аврора. 1985. № 11. С. 149–156.

³ См.: Лихачев Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М., 1990.

лантливые, интересные, как читиво) нельзя рассматривать иначе, как курьез, браваурные поделки графоманов, никак не могущих (да и не желающих) достигнуть (даже близко) идейного и художественного совершенства первоисточника... Что же касается моей попытки (моей версии) продолжения «Былого и дум» Герцена, то здесь (и не только в смысле жанра) всё наоборот! Ибо (как уже было сказано выше) само время перестройки, гласности и нового мышления (без кавычек и околичностей) о ту пору не имея полного представления (как поется в печальной песне В. С. Стромиллова «То не ветер ветку клонит ...») сохранить для близких и далёких времён уникальные картины нашего недавнего прошлого, каким бы страшным, несовершенным и трагическим оно не было бы для нуждающихся в данный момент истории в простом бытовом сугреве...

1987 год был особо «урожайным» по части переиздания текстов Кузмина и публикаций биографического, научного и архивного порядка. И в этом мемориальном ряду наш вечер Лихачевского Фонда Культуры, даже и по календарю, оказался чуть ли не первым. Но как это уже было мною, автором программы, заведено, я для каждого вечера и для каждого избранного героя искал чего-то такого эдакого, какого-то нового факта его биографии или ранее малоизвестной строки. И тут как-то в знаменитой курилке в Публичке встречаю своего приятеля и тоже завсегдатая Рукописного отдела на набережной Макарова — Михаила Давидовича Эльзона, старшего библиотекаря, «сбившего все ноги» заполняя лакуны в биографии Гумилева, который поделился со мной, что у него де сохранился адрес жилички, соседки Кузмина по его уплотненной квартире, что на Спасской (где неподалеку, если я не ошибаюсь, снимал квартиру Гумилев), родственницей сына Николая Лескова. Так оно и случилось! Мишка нашел адрес с телефоном! Я пригласил, та — согласилась, вот она «изюминка»... И хотя она — портниха, мастер-бригадир швейной фабрики «Большевичка», дама средних лет по имени Клавдия Алексеевна Яковлева отказалась сказать нам хоть пару путных слов о Кузмине, которого она помнит школьницей (явно смущенная восседавшим в президиуме величием ведущего вечер веселого «графа» Никиты Алексеевича Толстого, выпускающего в зал кольца табачного дыма) все-таки показала нам семейную реликвию: изящный томик «Графа Калиостро» с дарственной надписью слабым пером Михаила Алек-

сеевича лично «моей помощнице... Клавдии Яковлевой...» с датой 1934, который она сохранила в смертельные годы блокады.

Конечно, тот зимний вечер в набитом до краев, гламурном, позолоченном зале бывшего «Дома Половцева» был праздником в честь Михаила Кузмина как неотчуждаемой ценности нашего петербургского былого...

Помнится, с каким удивлением и радостью воспринял в Лос-Анжелесе в Калифорнийском университете мою весточку о предстоящем вечере в Ленинграде — профессор Владимир Федорович Марков — один из основоположников науки о Кузмине, с которым меня свела судьба на целых два десятилетия дружбы и доверия.

Сохранилась почти полная запись этого вечера, на котором, среди выступавших В. В. Герасимов, В. С. Бахтин, Н. А. Поздняков, Т. Л. Никольская, композитор А. А. Смольевский, сын О. А. Ваксель, Н. Д. Чичерина, родственница Г. В. Чичерина. Завершала вечер Мария Борисовна Вербловская, прочитавшая очерк о Кузмине Нины Николаевны Каннегиссер. Был приглашен выступить со Словом о Поэте — Александр Семенович Кушнер.

Евгений Белодубровский.

* * *

*НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ*¹:

– Я не буду говорить, для кого и ради кого мы собрались. Те, кто пришли, хорошо знают, что мы посвящаем вечер Михаилу Алексеевичу Кузмину, одному из тех, кто был несправедливо отторгнут, забыт или оттеснен от нашего золотого фонда русской культуры и, конечно, это все отвечает традициям новой жизни в нашем обществе. Забытость ликвидируется, все становится на свои места. Нас просят сказать, что речь идет об очень большом поэте, о том, кем мы особенно можем гордиться, о нашей культурной сокровищнице. Что значит Михаил Алексеевич Кузмин для истории нашего искусства и поэзии? Об этом скажут выступающие, а я хочу сказать еще только то, что вы знаете, поэт как-то всегда ассоциируется с музыкой... Ну, лира, правда? — символ поэта, певца, это всегда так, но замечательно, что в случае с Кузминым это было буквально так, он был в прямом смысле музыкантом, и здесь две музы вели его справа и слева по дороге истории нашего искусства.

Я рад, что мы сегодня сможем не только напомнить и вспомнить его стихи, но и услышать его музыку.²

Я предоставляю слово Владимиру Васильевичу Герасимову,³ человеку, который знает историю культуры — какой угодно — знает все и еще больше того. Мы сейчас услышим его рассказ, где портрет Кузмина начнет наполняться кровью, плотью и духом.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ГЕРАСИМОВ:

— Да, спасибо. Поскольку нас всю жизнь учили к любому явлению подходить исторически, не мешает также вспомнить историю того, как складывалась в последнее время судьба наследия Кузмина, и почему мы, до сих пор не имеем его достаточно полного издания, вышедшего в свет в недавние годы. Ну, и опять же подходя к делу исторически, я расскажу об истории моего к нему отношения. Для этого придется немножко поворошить прошлое, хотя, честно говоря, это начинает становиться уже противным. Так вот, я напому вам одно место из знаменитого доклада Андрея Алексеевича Жданова,⁴ доклада, который доводился просто братом-близнецом знаменитым речам Вышинского на московских процессах.⁵ Жданов, рассуждая о неуместности публикаций Анны Андреевны Ахматовой в нашей печати, говорит так: «Это так же удивительно и противоестественно, как и если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина <было Кузьмина. — *Е. Б., Г. П.*>, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба <здесь пропущено имя Зиновьевой-Аннибал. — *Е. Б., Г. П.*> и т. д. и т. п., то есть всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве».⁶ Ну, вот видите, список имен достаточно выразительный. Ну, и надо сказать, что плохим оказался пророком А. А. Жданов, хотя и секретарь ЦК.⁷ Мережковский уже твердо стоит в планах наших издательств,⁸ Вячеслав Иванов издается,⁹ Андрей Белый — в Большой серии был том его поэзии,¹⁰ и «Петербург» тоже выдержал уже несколько изданий,¹¹ у Сологуба тоже издают уже и стихи, и прозу.¹² Из числа авторов, которые публикуются либо урывками, либо совсем не публикуются, собственно, остаются Кузмин и Гиппиус. Но Гиппиус — это случай особый, она была все-таки не столь интересна как поэт, прозаик и критик, она была незаурядной такой литературной личностью. Ну, какой-ни-

будь однотомник ее избранных сочинений, наверное, все-таки, представлял бы немалый интерес. Ну, а вот что касается, скажем, ее переписки, то, по-моему, из нее можно было бы сделать очень хороший том для Литературных Памятников,¹³ это было бы великолепным документом общественной и культурной жизни нашего «серебряного века». Теперь Кузмин. Хотя в антологиях его имя уже появляется, в прошлом году уже вышел такой довольно симпатичный двухтомник в издательстве «Художественная литература» «Русская историческая повесть», куда включили его «Повесть об Елевсиппе»,¹⁴ тем не менее, на нем ждановское проклятие как-то до сих пор продолжает тяготеть. Давно бы уже следовало его подготовить и издать самим.

Как же складывалось мое отношение к Кузмину? В те годы, когда Жданов читал свой доклад, я был совсем еще мал, но потом стал подрастать, стояла такая все-таки ужасная пора на дворе, и хотя я был вполне законопослушным советским школьником и был таким патриотом со сталинистской окраской, но, тем не менее, мне почему-то ужасно не нравилась вот такая премированная и рекомендованная литература. Ну, не мог я читать спокойно какие-нибудь там пассажи в романе Петра Павленко «Счастье»,¹⁵ где говорилось в классической раздумчивой манере, что за годы войны Сталин не то чтобы постарел, а как-то переменялся в сторону величия.¹⁶ Это производило, знаете, совершенно невыносимое, фальшивое и отталкивающее впечатление, и хотелось чего-то другого. Русская классика в то время тоже не могла быть убежищем от этого кошмара, поскольку в школьной программе она была как-то так подверстана к этой рекомендованной и премированной литературе, и так и преподавалась. Слава Богу, все-таки оставался Блок, которого никогда не запрещали и никогда не изымали из библиотек, а через такие более или менее полные издания Блока¹⁷ открывалось окно и в его окружение, в культурную жизнь той поры. И вот в одном таком однотомнике 1946 года издания,¹⁸ <нашлись> такие строки в письме <поэта> к матери: «Переписываю тебе новое, ненапечатанное стихотворение Кузмина, по-моему, очень замечательное».¹⁹ Ну, и дальше идут стихи, которые вы, наверное, помните: «Издали пришел жених и друг, / Целую ноги твои, / Он очертил вокруг меня свой круг, / Целую руки твои...»²⁰ и т. д. И дальше, целиком приведя эти стихи, Блок добавляет от себя: «Обрати внимание», — вот и я тоже обратил внимание, по совету Блока.²¹

Каким-то способом какие-то книжки можно было доставать. Я вдруг открыл для себя какой-то совершенно неведомый мне до этого мир, и причем хотелось в этом мире занять, я бы сказал, такую крайнюю позицию, как можно дальше от величия, в сторону которого изменился Сталин. Помню, что тогда мне с моим еще, может быть, не очень развитым вкусом как-то сразу стали нравиться стихи вроде: «Маркиз гуляет с другом в цветнике, / У каждого левкой в руке, / А в парнике / Сквозь стекла видны ананасы...»²² и т. д. Потом я немножко все-таки повзрослел и эти «маркизы с ананасами» стали мне казаться больше забавными. Ну, а потом, когда я добрал до «Александрийских песен»,²³ то для меня лично, это был как бы центр кузминской поэзии, и все остальное я рассматривал не то что бы как периферию, но сравнивал все с «Александрийскими песнями».

Кузмина часто называют стилизатором, считая, что стилизация — это главнейшая его характерная сторона, причем часто слово «стилизация» произносится с таким негативным оттенком, что это как бы творчество несамостоятельное, творчество второго сорта, хотя, по-моему, это совершенно несправедливо. В случае Кузмина, он действительно много стилизовал, и под самые разные вещи стилизовал, но, на мой взгляд, стилизация все-таки играет огромную роль в передаче культурных достижений от поколения к поколению. Уходит век, уходят люди, создававшие культуру того или иного века, а потом, даже не в следующем поколении, а через поколение, через два поколения, уже с использованием своего опыта, новые люди — новые писатели, новые художники, оглядываясь назад, видят, что все-таки возможности какой-то прежней, давней эстетики не были использованы до конца. <...> Если говорить о такой вот культурной роли стилизации, в частности, в творчестве Кузмина, я хочу привести вот такой пример. В 1730 году в Петербурге вышла книга Василия Кирилловича Тредиаковского «Езда в остров Любви», перевод французского романа.²⁴ В приложении он дал свои собственные стихи, написанные по-русски и по-французски. Вот образчик русской любовной лирики Тредиаковского (я прочту только одно четверостишие):

Перестань противляться сугубому жару:
Две девы в твоём сердце вместятся без свару,
Ибо ежель без любви нельзя быть счастливу,
То кто залюбит больше,

Тот счастлив есть надолше.
Люби Сильвию красну, Ирису учтиву,
И еще мало двух, быть коли надо чиву.²⁵

Так писал Тредиаковский, но как-то чувствовал-то он все-таки не так, а чувствовал он гораздо тоньше, сложнее, богаче, просто язык ему не повиновался, а о том, как он чувствовал, он рассказал в своих французских стихах, там же напечатанных, в том же самом издании. И вот в начале нашего столетия эти французские стихи перевел Кузмин. Я хочу прочесть перевод, выполненный Кузминым, как образчик того, чем по-настоящему могло бы стать русское рококо, если бы русский язык к тому времени был бы уже так усовершенствован, как это случилось уже после Жуковского и Пушкина. Название русское здесь дано самим Тредиаковским: «Объявление любви одной девице, которая всегда любила черненькую собачку на руках держать»:

При вас всечасно — цербер-душка,
Что приучен и очень рад
У вас, прелестная пастушка,
Хранить Кипридин вертоград.
Конечно, верности пример
И у других бы мог открыться,
Но злоба, злоба свыше мер,
Лишь с вашей жесткостью сравнится.
Такого буку между псами
Как добрым словом помянуть,
Коль для того лишь вечно с вами,
Чтоб преграждать любви путь?
Конечно, верности пример
Во мне б такой же мог открыться,
Но в похвале превыше мер,
Конечно, с вами не сравниться.²⁶

Как видите, это весьма близкий к оригиналу перевод и, конечно, его мог выполнить только человек, прекрасно чувствующий и язык, и поэтику XVIII века.

Естественно, с таким своим потрясающим чутьем культуры минувших эпох, Кузмин рано или поздно должен был, конечно, обратиться к колыбели европейской культуры, к античности. Я думаю, что «Александрийские песни» всем вам известны, я не буду их разбирать и даже не буду читать, но тут я заново их стал перечитывать,

и вот на что обратил внимание. Я думаю, что у нас у всех еще не совсем утихло возбуждение, вызванное недавними публикациями Набокова, в частности, скажем, «Другими берегами»²⁷ и тем, как Набоков вспоминает свое детство в виде таких отдельных очень-очень ярких картинок. И вот, перечитывая «Александрийские песни», я вдруг увидел, что картины Александрии там идут как какие-то воспоминания о детстве, словно сам Кузмин провел в этом городе свои ранние детские годы. Вот посмотрите, коротенькое стихотворение, я его все-таки напомню вам:

Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений,
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!²⁸

Видите? Картина Александрии дается действием, через ряд таких как бы, слайдов, что ли, пользуясь современным языком. Через ряд таких отдельных очень ярких картинок. В этом цикле есть сюжетные стихи, но все-таки, на мой взгляд, лучше такие, бессюжетные, именно такие вот картинные. Александрия подана так, как вспоминаются какие-то места, где был счастлив в детские годы. <...> Это ряд прекрасных, ослепительных, очень точных картин, хотя, здесь нет никакой особенной археологии, какую, допустим, любил Брюсов.

Если писать действительно заявку в какую-нибудь редакцию, настаивая на том, что Кузмина надо срочно переиздать, то можно к слову приплести известное крылатое выражение Маркса²⁹ о том, что античность это как бы детство современного человечества, и даже попытаться какому-либо редактору строгому внушить, что Кузмин, так сказать, пользуется марксистским методом, воссоздавая картины античного мира, так сказать, онтогенетически, как бы связывая свою судьбу с судьбой цивилизации, с судьбой культуры.

Я как-то пытался недавно перечитать рассказ Куприна «Суламифь». Он ломится от бутафории, причем вблизи видно, что она из

папье-маше вся в общем-то сделана. А <у Кузмина> все действительно соткано из каких-то подлинных вещей, прошедших через память автора. Кстати, глаголов очень мало, причем глаголы такие чисто служебные, связывающие между собой эти картины. Мне попалась статья старая 1920–1930-х годов об акмеизме, где, в частности, малое число глаголов ставилось в вину Ахматовой, приводилось как доказательство ее идейной ущербности и отторгнутости от действительности, потому что наша бурная и динамичная действительность не стоит на месте и для своего изображения требует, прежде всего, глаголов.³⁰ Кузмин, можно считать, тоже заслужил этот упрек.

Немного возвращаясь назад, я хочу сказать, что, хотя Кузмин был так ошельмован Ждановым, вообще-то его публиковали довольно часто. Как публиковали? Несколько новелл Мериме всегда печатались в переводе Кузмина,³¹ «Золотой осел» Апулея — канонический перевод, который много раз переиздавался.³² Как известно, переводы прозы постоянно обновляются и как-то считается, что в этом деле нельзя достичь совершенства. Но переводы Кузмина остаются именно каноническими, наверное, именно потому, что они совершенны. В связи с этим, я хотел бы привести еще одну цитату из одного очень почтенного человека, из речи Батюшкова «О влиянии легкой поэзии на развитие языка», который в Москве читал <свою> речь.³³ В применении к поэзии, в частности, к кузминской поэзии, по-моему, эти слова до сих пор сохраняют все свое значение: «В легком роде поэзии читатель требует возможной совершенной чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем заменить не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету, ибо поэзия в малых родах есть искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных».³⁴ По-моему, требованиям, предъявляемым Батюшковым, поэзия Кузмина полностью удовлетворяет. Здесь мы найдем и совершенство, и стройность в слоге и т. д. Причем, эта стройность сохраняется и в поэзии, и в прозе. В том же самом 2-х томнике «Русская историческая повесть», напечатано очень красивое повествование «Повесть об Елевсипше».³⁵ Там идет <описание> Афин, которое удивительно напоминает описание Александрии. Здесь те же периоды, так же мало глаголов, тот же самый ряд картин: «Я никогда не

видел такого количества людей, домов, храмов; лошади на колесницах ржали и становились на дыбы, солнце блестело на конских сбруях и шлемах солдат, продавцы с водой громко кричали. шли священные процессии и когорты с музыкой, голуби с мягким шумом крыльев стаями перелетали с места на место, и гадалщик, сидя на корточках у стены, предсказывал желающим судьбу на бобах».³⁶ Здесь поразительное чередование деталей от лошадей в колесницах до бобов у гадалщика, как говорится, постепенное укрупнение вот этих деталей. Археологии никакой нет, просто «солнце блестело на конских сбруях и шлемах солдат», — деталь очень яркая, но я не знаю, скажем, тот же, наверное, Брюсов дал бы еще несколько эпитетов и к этим шлемам, и конским сбруям, подробно, археологически точно. Это действительно, похоже на описания Александрии в «Александрийских песнях», но там стихи, а здесь проза, причем проза, определенным образом ритмизованная, за счет синтаксиса, за счет синтаксических периодов. Здесь нет того, что иногда приобретает у Андрея Белого вид такой даже несколько настырности, обязательное желание анапестами насытить прозаическую строку. Нет, это проза, проза самая настоящая, хотя, как видно, это почти дословное повторение стихов. К этому я думаю, мы можем приложить такое маловразумительное слово, как «совершенство», т. е. трудно объяснить, что это значит, но мы вообще чувствуем: если оно есть, так оно есть. Конечно, такими стилизациями Кузмин отнюдь не исчерпывается, о нем можно говорить очень долго.

Книжка, наверное, каждому из нас известная, «Фореель разбивает лед», по-моему, самая занимательная книга в русской поэзии. Он ввел сюда несколько повестей в стихах, повестей таких, я бы сказал, с несколько авантюрным, занимательным сюжетом, и вместе с тем это не стало рифмованным повествованием, это поэзия. <...>

По-моему, я и так как-то уже немножечко заболтался, но опять же с Блока я начал, и Блоком, а также и Ждановым (хотя имя Жданова я здесь называть не буду) я хочу и закончить. Это пространная цитата из речи, которую произнес Блок на юбилее Кузмина в Союзе поэтов, 29 сентября 1920 года.³⁷ Я думаю, что лучше, чем Блок, о значении Кузмина не скажешь: «Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что все те, от лица которых я говорю, радостно и с ясной душой приветствуют Вас как поэта, но ясность эта омрачена

горькой заботой о том, как бы Вас уберечь. Потерять поэта очень легко, но приобрести поэта очень трудно, а поэтов, как Вы, сейчас на свете очень немного. В Вашем лице мы хотим сохранить не цивилизацию, которой в России в серьезном виде и не было и когда еще будет, а нечто от русской культуры, которая была, есть и будет. Ведь ни Вы сами, и никто из нас еще не может себе представить, как это чудесно, что, когда все мы уйдем, родятся новые люди и для них опять зазвучат Ваши “Александрийские песни” и Ваши “Куранты любви”, те самые, которые омывали и пропитывали и жгли солью музыкальных волн души многих из нас по вечерам и по ночам, например, на Таврической улице в Башне Вячеслава Иванова. Самое чудесное здесь то, что многое пройдет, что нам кажется незыблемым, а ритмы не пройдут». ³⁸ И дальше: «Мы знаем все, как искусство трудно, знаем, как прихотлива и капризна душа художника, и мы от всего сердца желаем, чтобы создалась, наконец, среда, где мог бы художник быть капризным и прихотливым, как ему это нужно, где бы он оставался самим собой не будучи ни чиновником, ни членом коллегии, ни ученым. Мы знаем, что ему это необходимо для того, чтобы оставить наследие, не менее нужное, чем хлеб, тем же людям, которые сегодня назойливо требуют от мрамора пользы и царапают на мраморе свои сегодняшние слова, а завтра поймут, что мрамор сей — ведь Бог. Вы же все такой же, как были: венок над головой, раскрыты губы, два ангела напрасных за спиной, таким и оставайтесь, такой Вы нам и нужны, и нам, и тем, кто придет за нами». ³⁹

Я еще хотел бы сказать, почему, на мой взгляд, Кузмин нужен и нам сейчас, и тем, кто еще придет после нас.

Известно, что как бы к Кузмину ни относились как к человеку, он был общепризнанным маэстро для своего времени. На него многие обижались. Ну, скажем, вот Надежда Яковлевна Мандельштам с некоторой обидой говорила о том, что, допустим, сборник Мандельштама «Tristia» составлен без ведома автора Кузминым? и что Кузмин придумал это название. ⁴⁰ Но, по-моему, она напрасно обижалась, — книга получилась прекрасная, и название придумано очень удачно, оно и классично, оно обращено к классической основе, классической закваске творчества Мандельштама, и вместе с тем, оно очень тесно связано с атмосферой тех дней.

Тоже вот почти канонический случай. Кто-то вот обратил внимание Ахматовой на то, что строфа, которой написана «Поэма без героя» <...> уже была использована когда-то Кузминым в одном коротком стихотворении и как раз в книге «Форель разбивает лед». Анна Андреевна была как-то обижена, но я думаю, что обижалась она тоже напрасно. Дело в том, что ритм, не только строфическое построение, сам ритмический напор стихотворения Кузмина очень похожи на многие места «Поэмы без героя».

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки. Снег. Бубенцы. Пальба.
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?⁴¹

Я думаю, что просто Анне Андреевне этот ритм вспомнился. Ну, просто как какой-то старый напев. Она, может быть, даже не отдавала себе отчета в том, что это где-то уже было. Может быть, она уже успела забыть эти стихи. <...> Крученных,⁴² обладавший слухом поэтическим, находил даже «кузминские» напевы, кузминские мотивы в «Персидских мотивах» у Есенина, хотя, казалось бы, ну, что общего между Есениным и Кузминым. Это опять-таки говорит о том, что маэстро Кузмин остается маэстро и для грядущих поколений. Сейчас, оглядываясь назад, мы видим, что точка высшего совершенства русского литературного языка уже миновала, она уже осталась у нас где-то позади. Где-то с середины 1920-х годов язык стал портиться, и если этот процесс будет продолжаться и дальше, то — филологам и историкам хорошо известен термин «варварская латынь»,⁴³ — мы доживем до варварского русского языка спустя некоторое время. Так вот, Кузмина, я считаю, надо издавать и держать на полке как своего рода эталон, ну, как скажем, в точных науках существуют эталоны мер. Я не утверждаю, что Кузмин был единственным, так сказать, мастером, который знал, действительно, тайны русского языка, их было немного, но и немало, во всяком случае, не меньше десяти, но он — один из них. Вот это то, что я хотел сказать. То есть, я считаю, что Кузмин — автор нам сейчас еще, может быть, даже более нужный, чем он был нужен своим современникам.

(Аплодисменты)

НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ:

— Я думаю, вы со мной согласитесь, что доклад Владимира Васильевича был исключительным по содержательности и глубине. <Но> я подумал, когда он говорил, почему все-таки к ночи он поминал Жданова <...> <а> потом я вспомнил, что когда-то я читал очень ученую статью одного француза во французском журнале, это был один из великих парфюмеров французских, т. е. композитор духов⁴⁴ — понятно, что это искусство совершенно удивительное, требующее тонкости психологической и физиологической, и эстетического чутья. Он раскрывал некоторые тайны и говорил, что духов на свете существует бесчисленное количество — удивительные, волнующие, тревожащие, упоительные и т. д., но в основе — он был ученый человек — говорил он, в основе духов (любых) лежат четыре базовых запаха, два благовонных и два зловонных — в небольших количествах. Благовонные были: роза — запах розы, и запах ванили <...>. Два зловонных — это запах паленой шерсти козла, а другой — извините, цитирую: половых выделений лисицы. Так вот, на этой вот базовой гармонии строится все остальное. Я не берусь уточнить, какую роль в выступлении Владимира Васильевича играет один из зловонных запахов, но я думаю, что он правильно сочинил, т. е. прекрасную речь, полную глубокой эстетики немножко подправил, по своему рецепту, — парижский парфюмер.

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ БЕЛОДУБРОВСКИЙ:

— Я хочу сказать два слова, потому что нужно объяснить нашу афишу. Многие знают, а многие нет, почему <наш вечер> называется именно так: «Мы во Фьезоле поедем...». Это должно быть истолковано так, как у Кузмина. Если вы будете в Италии, попадете во Флоренцию, <...> то обязательно нужно спросить местного жителя, как проехать во Фьезоле, и ни у кого из местных жителей это не вызовет удивления, потому что кому из путешественников не захочется побывать там, где торжествовали герои «Декамерона» Боккаччи.⁴⁵ Вот там был и Кузмин и привез оттуда песенку, которую любили распевать в «Привале комедиантов» и в «Бродячей собаке». А в 1918 году <...> эта песенка распевалась таким образом:

Если завтра будет солнце —
Мы во Фьезоле поедем.
Если завтра будет дождик,
То карету мы найдем.

Если денег будет много –
Мы закажем серенаду.
Если денег нам не хватит —
Нам из Лондона пришлют.⁴⁶

Вот такая песенка. Я напомним то, что многим известно, что Кузмин был поэтом-музыкантом. Поэтому давайте не сваливать, так сказать, по одну сторону пробора его поэзию, а по другую — музыку, а давайте сплетем их вместе, тем более, что после такого интересного рассказа и глубоких соображений Владимира Васильевича, было бы приятно послушать музыку. Я попрошу Сергея Александровича Щепкина, лауреата Международного конкурса,⁴⁷ сыграть обещанный им гавот Кузмина.⁴⁸

Пока Сергей Александрович идет, я могу сказать, что было очень трудно достать ноты, нигде нет. Но вот в Театральном институте⁴⁹ сохранились ноты гавота и еще танца, которые никогда не спрашивали с тех пор, как они туда попали, т. е. с 1916 года.

НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ:

– И не гремите веригами, пусть сыграет.

(Звучит гавот Кузмина).

(Аплодисменты).

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ БЕЛОДУБРОВСКИЙ:

– К сожалению, сегодня Ида Моисеевна Наппельбаум⁵⁰ не присутствует на вечере, она нездорова, но ее дочь Екатерина Михайловна Царенкова⁵¹ прочтет нам переданные Идой Моисеевной воспоминания о Михайле Алексеевиче, в частности, воспоминания о его похоронах. Эти воспоминания никогда не публиковались,⁵² и они как-то начнут нас приближать ощутимо просто к Михаилу Алексеичу...

<...>

КАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА ЦАРЕНКОВА:

– Я хочу прочесть два небольших отрывка из воспоминаний мужа моей матери, ленинградского литератора Иннокентия Басалаева.⁵³ Он много лет работал в редакции журнала «Звезда»,⁵⁴ был членом нашей семьи, и писал 40 лет очень интересную книгу, с 1928 по 1964 год. Это была летопись жизни ленинградского литературного общества, свидетелем и участником которой он был. Эта книга еще не опубликована, т. е. публикуется кусочками, и в ней есть два

отрывка о Кузмине.⁵⁵ Один из них очень печальный, это описание похорон Кузмина.

Март 1936 года. Хоронили Михаила Кузмина. Последнее время он недомогал, желтел, худел, глаза ввалились. Еще ниже опустились выпуклые веки. Его положили в больницу. Через месяц он умер. Оттуда его и уносили. Это больница на Литейном, бывш<ая> Ольденбургского,⁵⁶ <затем> им. Жертв Революции, теперь Куйбышевская больница. Зимний день, серый мокрый снег. Жиденский оркестр в милицейских шинелях и штатских пальто, набранный наспех Союзом писателей. Перед воротами больницы человек сорок друзей и знакомых. Все молчаливы. Вынесли гроб. Как всегда, суется, поставили на катафалк, обставили горшочками цветов. Шли по Литейному, потом по Невскому и по Лиговке к Обводному. Крупный снег, мокрый, падал на открытый катафалк. Оркестр играл нестройно что-то незапоминающееся, все время было слышно только одну трубу. На Волково кладбище пробирались по узким грязным улочкам. Почему-то большая улица была закрыта, может быть, из-за ремонта или строительства. Слева шли заборы и деревянные дома, справа — зимний в снегу канал. Навстречу по узкой дороге ехала большая неуклюжая телега. Возница в желтом кожаном полушубке, идя возле лошади, во весь голос кричал на похоронную процессию русские слова, страшнее, обидные. Катафалк накренился, объезжая телегу. Писатели шептались, возмущаясь. Но какое дело было прохожим до этих людей, идущих за гробом, мужчин в очках, мокрых шляпах, кепках, женщин в промокших шубках, стареньких пальтецах и шапочках. Обошли осторожно телегу. Всю длинную дорогу шли пешком, вели разговоры о своем житейском вполголоса, как всегда, на похоронах. Он лежал заколоченный и, как всю жизнь, мирный, тихий, скромный. Прислушивался и, наверное, улыбался в темноте всезнающей и все понимающей улыбкой. Он любил жизнь людей, их суету, праздники и будни. Не мог долго сердиться, ему нравилось ходить в гости, в гостях пить чай, болтать, ахая и сокрушаясь, или смеясь и иронизируя, расспрашивать молодежь о ее жизни, любовно заглядывать в глаза, как старик, вспоминающий свою молодость. Но никогда не сливался с окружающими, всегда оставался самим собой, верным своему искусству, сердцу, влечениям и мыслям. Если и рассказывал о себе, то

просто, душевно, наивно и откровенно. Рассказал однажды, как любит читать Лескова: «Прочту всего — начинаю сначала, и так из года в год». Последние годы переводил торжественное «Прощание с Андромахой». ⁵⁷ Великолепен его «Золотой осел» Апулея. ⁵⁸ Для театра перевел оперетту «Цыганский барон». ⁵⁹ Последней его книгой стала книга стихов «Форель разбивает лед». Дошли до Волкова, и катафалк свернул налево, на Лютеранское. ⁶⁰ Там вдруг выяснилась ошибка, возвратились на Волково. Еще не верилось в его смерть, у раскрытой могилы торопились говорить о будущем, о его месте, которое ему принадлежит в будущем поколении поэтов. Выступал Виссарион Саянов. ⁶¹ Говорил о поэзии Кузмина, о высоком чувстве поэта, о ясности и классицизме в его стихах. Говорил Михаил Фроман ⁶² как о человеке, о чуткости и изяществе его. Всеволод Рождественский ⁶³ сказал: «Мы хороним сегодня последнего символиста». Выступило человек пять, последним — его друг, ⁶⁴ рассказал о последних днях поэта дома и в больнице, рассказал, как свой, домашний человек. Надо ли это было или нет, никто не знал.

Поэт он был со своим лицом, его не спутаешь ни с кем. Хоронили недалеко от Литераторских мостков, но в стороне от знаменитых могил, где над аллеей висела дощечка: «Писательский заповедник». Чья-то грустная выдумка. Опять шел влажный пышный снег. С деревьев падали крупные капли. Серое кладбище, черные железные вычурные кресты, литые решетки. Черно-белая гамма. Загородная тишина. В чистом воздухе далеко слышно каждое слово, каждый звук. Опустели. Зарыли. Насыпали холм. Потоптались немного. И ушли — промерзшие, мокрые. Шли к трамваям быстро, оживленно. А Кузмин умер.

В оркестре пело раненое море, ⁶⁵ — так он писал когда-то.

На улице носил очки, был близорук. Только по лестнице, говорил, не умею спускаться в стеклах, спотыкаюсь. Носил шляпу, и темное короткое пальто. Выходя из дому, собирался обычно долго, хлопотливо, как женщина. Уже одевшись, целовал в губы своего друга — высокого, большелицевого, с серыми глазами, развязными и умными. Михаил Алексеевич работал над воспитанием друга долго и упорно. Он был прелестный воспитатель, заботливый старый друг. Учил писать того романы. Кажется, одна книга увидела свет. ⁶⁶ Тот и рисует, — это сплошь эрос, нарочитая дерзость рисунка, в его

альбомах вырезки из журналов на эти же темы. В их общей комнате было все как у женщин, — зеркала, туалет, мягкая мебель, на туалете — пудреницы, флаконы, коробочки, бон-боньерки, ножнички, губные и гримировальные карандаши. Полунарядно, разбросано, сперто. В столовой овальный стол без скатерти, шкаф с книгами, на стенах — картины без рам, над столом — электрическая лампа, неудобно, но привычно. Толстая неуклюжая женщина, молчаливая эстонка в головном платке по-деревенски,⁶⁷ носит самовары, а чай разливает сам хозяин. Это все еще 1926 год. Теперь квартира все та же, только нет гостеприимного хозяина, чуткого и внимательного, заботливого. Ушел он тихо и незаметно, как будто гость. Однажды он вспомнил: Гумилев рассказал ему о новой поэтессе, Анне Ахматовой, потом познакомил.⁶⁸ Она читала стихи. «Длинные стихи, — рассказывал Михаил Алексеевич, — и все одно и то же: поднимаюсь на гору да поднимаюсь». Он вспоминает это весело и как бы мысленно разводя руками перед современной Ахматовой, и в голосе его — нежность к ней и любовь.

Это первый отрывок. Второй, небольшой.

Кузмин издал первые стихи, когда ему уже было около 30 лет.⁶⁹ Сейчас ему за 50. Всю жизнь ведет дневники. Некоторым современникам не терпится: почему их не публикуют? Что же вы хотите, чтоб меня заживо съели? Нет, увольте. Он прожил длинную жизнь, создал много стихов, сочинял романы и в прозе. Кто же он — декадент, символист, эпигон классиков? Может быть, но в первую голову он — поэт. Как автор стихов Кузмин артистичен, выдержан, сух, и не жаль этого. Он мудр. У него можно было когда-то учиться высокому мастерству поэта, теперь он весь в прошлом. Хотя еще пишет, печатается, и его книги ждут. У него другое видение мира, и он не собирается его переделывать. И поэтому некоторые поэты, современники, не понимают кузминской поэзии. Хлебников,⁷⁰ как передавал мне «бродяга», поэт Шайкевич,⁷¹ сказал о Кузмине: «У Кузмина три крови — русская, французская и цыганская». Мне кажется, у его музы есть что-то англосаксонское, если не в крови, то в покрое ее платья. Но это лишь внешнее, поверхностное, а пишет он по-русски. В молодости он много путешествовал, бывал в Турции, Египте, Греции, од-

нако, Восток воспринял не по-европейски, его Азия — Азия древнего грека. А греки умели не только бить варваров, но и понимать литературу, и впитывать ее, и обогащать. Он все еще радушный хозяин, сам разливает чай гостям, учтив, прост, без предрассудков, не зазнается. Умен без меры. Говорит, что стихов не любит, хотя сам пишет давно. Новое понимает и если иногда иронизирует над новым, то в этом слышится практичность деревенской бабы. Стихи читает легко, серьезно, проникновенно. Так встал у чайного овального стола и прочел:

По веселому морю летит пароход,
Облака расступились, что мартовский лед...⁷²

Смотрел перед собой, не видя никого, поднял голову. Последние строчки: «И в душе моей пусто и сладко», — произнес тихо. Кончил — и в глазах заблестели слезы. В его чтении стихов есть особая музыкальность, не мелодичная напевность, не песенная эмоциональность, а речитатив, поддерживаемый оркестром рифм и ритмов. Он в прошлом — музыкант, но теперь у него нету инструментов. Хорошо его нарисовала Кругликова — теневого рисунок. Зимой он ходит дома в забавном тулупчике-жилете — грязноватом, теплом, удобном. О нем же говорят в Ленинграде: «Пока только один Кузмин и умеет носить платье».

(Аплодисменты)

<...>

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ БЕЛОДУБРОВСКИЙ:

– А сейчас попрошу Владимира Соломоновича Бахтина выступить...

ВЛАДИМИР СОЛОМОНИВИЧ БАХТИН:

– Происходит какое-то смещение: когда Евгений Борисович меня приглашал, и я очень отказывался, вспомнил такую историю: студенты просили преподавателя, который родился в 1919 году, рассказать о том, как он жил до Октябрьской революции. Ну, вот так и я могу рассказать о Кузмине. Здесь возникают уже, собственно говоря, воспоминания второго-третьего плана, или второго и третьего круга. Мне хочется два слова сказать о том, что Кузмин в начале XX века (в 1910-е годы), несмотря на то, что в эти годы жили и творили, были в полном блеске своих творческих сил, такие поэты, как Блок,

Маяковский и многие другие, не потерялся. Его место в русской литературе и даже, может быть, шире, в русской культуре, было особое. Мы как-то последние годы привыкли делить деятелей культуры и литературы по их отношению к Октябрьской революции — за или против. Вот применительно к Кузмину, пожалуй, такое деление не годится, и не случайно, что он собрание своих сочинений начал выпускать до революции, а продолжил их после Октября,⁷³ и это никак не помешало ни ему самому, ни читателям. В его деятельности, в его литературной работе было нечто такое, что стояло над этим, над этой схваткой, сбоку от этой схватки, но, во всяком случае, это была такая деятельность, которая имеет вневременную ценность и какое-то свое особое назначение. Когда мы изучаем литературу начала века, то имя Кузмина встречается почти на каждой странице, применительно почти к каждому из наших больших поэтов. В последние десятилетия имя Кузмина почти не встречалось в нашей литературе. А между тем, его жизнь, его творчество, как уже Владимир Васильевич говорил, — растворены в нашей культурной жизни, растворены в опыте нашей литературы. <...> Мне хотелось бы дополнить одним маленьким примером утверждение о высоком авторитете, которым пользовался Кузмин в русской литературе. Вы помните, знаменитую фотографию 1925 года, где лучшие поэты того времени сфотографировались с ним.⁷⁴ А я бы хотел привести пример того, как молодой начинающий литератор Леонид Иванович Добычин⁷⁵ в 1924 году, когда он жил в Брянске, написал первые свои 4 или 5 рассказов, подготовил рукопись — «Вечера и старухи» она называлась.⁷⁶ Он послал ее в Петроград–Ленинград — или Петербург — Кузмину. Зная его приверженность традиции, Леонид Добычин — он вполне, так сказать, владел современной речью — Кузмину написал письмо, пользуясь и твердыми знаками, и ятями: «Милостивый Государь Михаил Алексеевич! Я позволил себе переслать на Ваше рассмотрение несколько беллетристических изделий и очень прошу Вас, если Вы не найдете этого ненужным, дать мне о них Ваш отзыв».⁷⁷ Ну, Добычин и Кузмин как-то стоят в разных плоскостях как художники, и вот я представляю, что Михаилу Алексеевичу трудно было что-то сказать об этой рукописи, тем более, что она еще была несовершенна, и по-видимому, он не ответил Добычину, потому что в других своих письмах в последующие годы Добычин называл Кузмина гордецом: «Этот гордец Кузмин»,

«Вот я написал рассказ, который понравился бы этому гордецу Кузмину».⁷⁸ Он его несколько раз упоминает в своих письмах.

Согласился я сказать несколько слов на сегодняшнем собрании только потому, что я надеялся выяснить одну тайну моей молодости, и человеческую, и литературную. Когда я поехал в первую свою экспедицию фольклорную, мы с Д. И. Молдавским,⁷⁹ который воспитывался в музыкальной семье, провели несколько дней в Доме творчества композиторов. Мы познакомились и даже как-то подружились с очень, как мне казалось тогда, пожилой женщиной, композитором Софьей Николаевной Чичериной,⁸⁰ очень интересной. Я, например, от нее даже частушки записал и опубликовал в этой записи. Были там капустники с участием Наталии Ильинична Сац,⁸¹ она очень любила животных — котов, собак. Вот стихи Молдавского от имени Чичериной: «Я в вас уверена, мой верный Дик», — а Дик отвечает: «Мадам Чичерина, я к вам привык» и т. д. Я просто хочу сказать, что Софья Николаевна Чичерина — лицо не мифическое. И вот однажды она принесла сумку, такое портмоне кожаное большое, она достала книги Кузмина, я уже не могу сказать, какие, то ли «Александрийские песни», то ли «Куранты любви», и эти книги были подписаны Кузминым. Она говорила о том, что она была с ним хорошо знакома, и показывала в этих книгах места правки, сделанной самим автором.⁸² Это было, как я вам сказал, в 1946 году. Когда Евгений Борисович мне позвонил, я решил, что сумею внести какую-то ясность, найду эти книжки и расскажу о том, что там написано, какие поправки. К сожалению, Софья Николаевна скончалась 80-ти лет в 1984 году, она переехала в Москву, я разыскал ее внучку и ее сына, Георгия Николаевича, и решил, что он вот с полки снимет эти книжки и покажет мне. Оказывается, что он вообще от меня слышит в первый раз о том, что его мать была знакома с Кузминым, хотя надо сказать, что фамилия Чичерины звучит не случайно, она была племянницей известного дипломата Чичерина, с которым Кузмин был знаком.⁸³ В общем, мне ничего не удалось узнать, кроме того, что Георгий Николаевич, сын Софьи Николаевны, высказал предположение, что когда они уезжали в Москву в 1970-е годы, эти книги <...> и какие-то, мне кажется, и бумаги, и фотографии остались в Ленинграде. Вот приманка молодым нашим историкам литературы...

(Аплодисменты).

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ БЕЛОДУБРОВСКИЙ:

– Я пригласил Владимира Соломоновича⁸⁴ потому, что он написал статью о Кузмине биографическую в сборнике «Писатели Ленинграда»,⁸⁵ и это самая большая на сегодняшний день и биографическая, и библиографическая статья. Отвечая Владимиру Соломоновичу, я должен сказать по поводу Чичериной. Здесь, в Ленинграде, живет племянница композитора, Наталья Дмитриевна.⁸⁶ Она мне показала на днях у себя дома партитуру или — как сказать правильно? — клавир романса на стихи Бальмонта.⁸⁷ Это рукопись, автограф, может быть, <у нее> узнать о дальнейшей судьбе книг.

Знакомство Чичериных с Кузминым достаточно интересно. Они жили в Тамбове и тамбовский музей собирает все о Чичериных, может быть, там можно будет что-то найти.

НИКИТА АЛЕКСЕВИЧ ТОЛСТОЙ:

– Я хотел бы, для того, чтобы еще одной гранью повернуть образ Михаила Алексеевича, прочесть вам маленький кусочек из воспоминаний замечательного человека, которого я счастлив был числить в своих друзьях, — Всеволода Николаевича Петрова,⁸⁸ это был искусствовед, эрудит, абсолютно милейший и очаровательный человек, потрясающего, так сказать, морального достоинства. Он рано умер. Он был сыном знаменитого онколога Петрова,⁸⁹ но совсем другими вещами занимался. Его воспоминания, в частности, о Кузмине, удивительно хороши.⁹⁰ Интересны необыкновенно. Нет ни одного пустого абзаца. Вот он пишет:

Однажды я попросил разрешения Михаила Алексеевича прочесть ему какую-то свою искусствоведческую работу. Статья была очень юношеской и незрелой и не заслуживала того внимания, с которым отнесся к ней Михаил Алексеевич, и во время чтения я довольно явно почувствовал, что и мое смущение не укрылось от Кузмина. Ему даже захотелось меня похвалить и ободрить, и он сказал мне: «Вы любите и понимаете то, о чем написали, и это, конечно, главное. Но вы пишете блестяще, а это нехорошо. С блеском пишут только второстепенные авторы и от блеска совсем недалеко до безвкусицы. У вас ее, слава Богу, нет, и никогда не будет, я в вас верю, но для людей вашей, или, лучше скажу, нашей общей профессии блеск — это постоянный и самый опасный соблазн. Почти

все критики стараются писать с блеском и любовались собой больше, чем искусством <...>.⁹¹

НИКИТА АЛЕКСЕВИЧ ТОЛСТОЙ:

Дорогие друзья, мы продолжаем наш вечер. Мы с Евгением Борисовичем предоставляем слово тому из нас, кто компетентнее всех может рассказать о поэте Кузmine. Это Александр Семенович Кушнер.⁹²

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КУШНЕР:

– Я думаю о том, что Кузмину повезло. Не справлялись его юбилеи, не проходили его в школе, не раскладывали по полочкам особенности его поэтической речи. Ведь у нас после юбилеев, которые проходят с таким гулом и треском, от самых лучших поэтов ничего не остается. Я со страхом думаю о приближающемся юбилее Ахматовой, представляю, что будет, какая вакханалия. Так вот, Кузмину, я повторяю, повезло. Он долгие годы находился в глубокой тени. Зато ничто не мешало тем, кто действительно любит поэзию, читать Кузмина. А то, что не так легко доставать книги, это очень хорошая вещь. Это не должно быть слишком просто. Я думаю, что Кузмин сегодня один из самых нужных, актуальных поэтов для поэтов, и мало кто может с ним сравниться в этом. Просто невозможно представить, пожалуй, рост настоящей поэзии, без учета сделанного Кузминым. Между прочим, он сам, по-видимому, предвидел это, предчувствовал, знал о себе. Я написал статью и поэтому буду иногда заглядывать в нее, кое-что из нее читать, а статья о Кузmine написана мной довольно большая.⁹³ Так вот, в 1923 году в связи со статьей К. Чуковского⁹⁴ Кузмин писал о двух своих современниках: «Не напрасно Чуковский соединил эти два имени. Оба поэта, при всем их различии, стоят на распутье — или популярность, или дальнейшее творчество. И Маяковский, и Ахматова стоят на опасной точке поворота и выбора. Я слишком люблю их, чтобы не желать им творческого пути, а не спокойной и заслуженной популярности».⁹⁵ Так вот, Кузмин выбрал для себя — уж точно — этот трудный творческий путь, обогнал свое время и, может быть, только вот сейчас мы как-то подошли к тому, чтобы по-настоящему оценить сделанное им. Он забежал далеко вперед.

В чем я вижу поразительную новизну Кузмина, которая вот так нелегко дается? Не в содержании, не в тематике, не в образной системе, не в метафорах — все это оставим учителям литературы, хотя

я к ним отношусь очень хорошо, просто так принято разбирать художественное произведение. Кузмин делал куда более важное, то, что делает поэта поэтом. Он открыл новую поэтическую речь. Он боролся за нее, и вот этот сдвиг в поэтической речи, который он осуществил, — функция наиболее важная. Это обновление стиха я вижу прежде всего в особой естественности его интонации. Кузмин привлек разговорную речь, устную речь в поэзию, и мы ощущаем это, мы чувствуем эти стихи как необыкновенно легкое, естественное, единственно возможное дыхание в движении. Это ему удалось сделать даже в белом стихе, что, казалось бы, уж совсем невозможно. Все мы помним «Моцарта и Сальери», «Каменного Гостя» и знаем, что Пушкин открыл вот этот белый стих для русской поэзии и в то же время и закрыл навсегда дверь, потому что кого бы мы ни читали пишущего белым стихом, будь то Алексей Константинович Толстой, или даже Ходасевич, все равно время от времени мы припоминаем: «Ага! а вот это из “Моцарта и Сальери”; а вот это мы уже знаем, это по Пушкину».

¹ Толстой Никита Алексеевич (1917–1994), общественный деятель, физик, сын писателя А. Н. Толстого.

² См. подробнее: *Дмитриев Павел*. Кузмин как композитор. URL: <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1386615136161#gsc.tab=0>

³ Герасимов Владимир Васильевич (1935–2015), петербургский краевед, историк, филолог.

⁴ Речь идет о докладе А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», с которым он выступал после принятого Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946, 15 и 16 августа 1946 в Ленинграде соответственно на собрании партийного актива в Смольном и на общегородском собрании писателей и издательских работников. В обобщенном варианте опубликовано: Правда. 1946. 21 сентября. С. 2–3, отд. изд.: М., Госполитиздат, 1952.

⁵ Имеются в виду 3 московских судебных процесса: «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» (1936); «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (1937); «Право-троцкистского блока» (1938). См. подробнее: *Гинцберг А. И.* Московские процессы 1936–1938 гг // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 10–23. Речи прокурора СССР А. Я. Вышинского были опубликованы: *Вышинский А. Я.* Судебные речи. М.: Госюриздат, 1938.

⁶ *Жданов А.* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». М.: Госполитиздат, 1952. С. 8.

⁷ В 1944–1948 Жданов был секретарем ЦК ВКП(б) по идеологии.

⁸ С эпохой перестройки, начавшейся в 1985, было связано явление так называемой «возвращенной литературы». На рубеже 1980–1990-х были переизданы произведе-

ния Мережковского: «драма для чтения» «Павел I» и сборник эссе «Больная Россия» (М.: Московский рабочий, 1989); романы «Воскресшие боги: Леонардо да-Винчи» (М.: Художественная литература., 1990). «Петр и Алексей» (М.: Прометей, 1990); «14 декабря» (М.: Московский рабочий, 1991); «статьи и исследования разных лет» «В тихом омуте» (М.: Советский писатель, 1991) и др.

⁹ На рубеже 1980–1990-х были переизданы произведения Вяч. Иванова: сборник «Предчувствия и предвестия» (М.: Государственный институт театрального искусства, 1991); его переводы трагедий Эсхила (М.: Наука, 1989. Сер. «Литературные памятники»).

¹⁰ Речь идет об издании: *Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Т. Ю. Хмельницкой; подг. текста и примеч. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.; Л.: Советский писатель. Ленингр. отд., 1966. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹¹ К 1989 были известны отдельные издания: *Белый Андрей*. Петербург / Вст. ст. А. С. Мясникова; послесл. П. Г. Антокольского; коммент. Л. К. Долгополова. М.: Художественная литература, 1978, (2-е изд. – М., 1979); *Белый Андрей*. Петербург. Роман в 8-ми главах с прологом и эпилогом / Подг. изд. Л. К. Долгополова; примеч. С. С. Гречишкина и др. М.: Наука, 1981. (Литературные памятники) (переиздание: Киев: Днипро, 1990) и др.

¹² К 1989 были известны издания: *Сологуб Федор*. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд., 1975. (Б-ка поэта. Большая сер.) (то же: 1978, 1979); *Сологуб Федор*. Мелкий бес / Вступ. ст. В. А. Келдыша; научн. подгот. текста и коммент. М. В. Козьменко. М.: Художественная литература, 1988; *Сологуб Федор*. Мелкий бес. Роман. Рассказы / Сост. и вступ. ст. В. В. Ерофеева; коммент. О. И. Дарка; илл. В. П. Борисова. М.: Правда, 1989.

¹³ Речь идет о книжной серии «Литературные памятники», основанной в 1948 по инициативе А. К. Дживелегова и А. М. Эфроса при поддержке С. И. Вавилова. См.: Литературные памятники. 1948–1998: Аннотированный каталог. М.: Наука, 1998.

¹⁴ См.: Повесть о Елевсиппе, рассказанная им самим / М. А. Кузмин // Русская историческая повесть. В 2 т / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Беляева. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 633–656.

¹⁵ См.: *Павленко П. А.* Счастье. Роман М.: Правда, 1947.

¹⁶ Ср.: «Лицо его, все то же – знакомое до мельчайшей складки, приобрело новые черты, черты торжественности, и Воропаев обрадовался, приметив их. / Лицо Сталина не могло не измениться и не стать несколько иным, потому что народ глядел в него, как в зеркало, и видел в нем себя, а народ изменился в сторону еще большей величавости» (Там же. С. 104).

¹⁷ Речь идет об изданиях: *Блок Александр*. Собр. Соч. В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова. М.; Л., 1960–1963; *Блок Александр*. Собр. соч. В 6 т. / Вступ. ст. Б. И. Соловьева, коммент. С. А. Небольсина. М., 1971; *Блок Александр*. Собр. соч. В 6 т. / Вступ. ст. М. А. Дудина, коммент. В. Орлова. Л., 1980–1983.

¹⁸ Речь идет об издании: *Блок Александр*. Сочинения в одном томе. Стихотворения. Поэмы. Театр. Статьи и речи. Письма / Ред., вст. ст. и примеч. Вл. Орлова. М.; Л., Гослитиздат, 1946.

¹⁹ Речь идет о письме Блока к А. А. Кублицкой-Пиотух от 30 января 1908. См.: Там же. С. 528.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Там же.

²² Цит. стихотворение Кузмина «Разговор» (1908) из книги стихов «Сети. Первая книга стихов».

²³ Цикл под таким названием был впервые опубликован в журнале «Весы» (1906. № 7. С. 1–81), позже вошел в книгу «Сети» (1908); отд. изд. – М.: Прометей, 1921.

²⁴ См.: Езда на остров любви. Переведена с французского на русский через студента Василия Тредиаковского и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину (напечатана 1730).

²⁵ См.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., Советский писатель, 1963. С. 117–118. (Б-ка поэта. Большая серия).

²⁶ Там же. С. 84. Подробнее о переводах Кузмина см.: *Гордзоннио С.* Михаил Кузмин – переводчик В. К. Тредиаковского // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 132–138.

²⁷ Вероятно, речь идет об изд.: *Набоков Владимир.* Другие берега / Предисл. В. Ерофеева, коммент. подгот. О. Дарк. М., 1989.

²⁸ *Кузмин М. А.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. Изд. 2-е, испр. М., 2000. С. 111. Стихотворение «Вечерний сумрак над теплым морем...» включено в повесть «Крылья», впервые: *Весы.* 1906. № 11. С. 21–22.

²⁹ Ср.: «Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом. Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» (*Маркс К.* Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. В 30 т. Т. 12. М., 1958. С. 737).

³⁰ Речь идет о статье В. Г. Совсуна «Акмеизм, или адамизм» (Литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1929. Стлб. 71–72).

³¹ Известны произведения П. Мериме в переводе Кузмина: новеллы, рассказы и повести: «Двойная ошибка», «Локис», «Переулоч госпожи Лукреции», «Голубая комната», «Партия в триктрак», «Федерико», «Джуман» «Жемчужина Толедо», «Аббат Обен», очерк «Испанские ведьмы», роман «Хроника времен Карла IX». Переводы Кузмина из Мериме неоднократно публиковались в качестве отдельных изданий и в составе собр. соч. См. напр.: *Мериме Проспер.* Собр. соч. / Перевод с франц. Под общ. ред. М. Кузмина, М. Лозинского и А. А. Смирнова. М.: Academia, 1927–1929; *Мериме Проспер.* Варфоломеева ночь («Хроника времен Карла IX») / Пер. с франц. М. Кузмина. М., 1937 и др.

³² В переводе Кузмина «Золотой осел» Апулея издавался с 1929: см.: *Апулей Люций.* Золотой осел. (Превращения) В 11 кн. / Перевод с латин. М. Кузмина. Л.: Academia, 1929 (2-е изд. – 1930, 3-е изд. – 1931); *Апулей Люций.* Золотой осел. Превращения. В 11 кн. Пер. с латин. М. А. Кузмина. Минск: Белгосиздат, 1938. (Сокровища мировой литературы); *Апулей Люций.* Золотой осел. Метаморфозы. В 11 кн. / Перевод с латин. М. Кузмина, вст. ст. и коммент. С. Маркиша. М.: Гослитиздат, 1956 и др.

³³ См.: *Батюшков К. Н.* Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей русской словесности», в Москве 17 июля 1816 // Ба-

тюшков К. Н. Сочинения. Том первый. «Опыты в стихах и прозе». Произведения, не вошедшие в «Опыты в стихах и прозе». М., 1989. С. 31–39.

³⁴ Ср.: «В легком роде Поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слого, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях; он тотчас делается строгим судьей, ибо внимание его ничем сильно не развлекается. Красивость в слого здесь нужна необходимо и ничем заменить не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету: ибо Поэзия и в малых родах, есть искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных» (Там же. С. 34)

³⁵ См. примеч. 14.

³⁶ Русская историческая повесть. С. 640.

³⁷ Имеется в виду речь, произнесенная Блоком 29 сентября 1920 в Доме искусств на вечере, посвященном 15-летию литературной деятельности Кузмина. См.: *Блок А. А. <Юбилейное приветствие М. Кузмину> // Блок Александр. Собр. соч. В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 439–440.*

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Речь идет о книге О. Э. Мандельштам «Tristia» (Пб.; Берлин, Petropolis, 1922). Н. Я. Мандельштам вспоминала: «В юности О. М. употреблял слово “книга” в значении “этап”. В 1919 году он думал, что будет автором только одной книги, потом заметил, что существует деление на “Камень” и то, что потом стало называться “Тристии”. Статьи, название это дал Кузмин в отсутствие Мандельштама. Сами “Тристии” имеют случайный состав – в них вошла кучка беспорядочных рукописей, вывезенная издателем без ведома автора за границу» (*Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989. С. 179.*)

⁴¹ Цитируется стихотворение Кузмина «Второй удар» из книги «Форель разбивает лед» (*Кузмин М. Стихотворения. С. 533*)

⁴² Ср.: «И вот еще из персидских мотивов – все последние достижения Есенина: “Низкий дом с голубыми ставнями”. Голубой цвет, конечно, нежен и не одному есенинскому взору приятен: “...дом с голубыми воротами” существует у Мих. Кузмина» (*Крученых Алексей. Псевдокрестьянская поэзия. Есенин и его евангелисты // На путях искусства. Сборник статей / Под ред. В. М. Блюменфельда, В. Ф. Плетнева и Н. Ф. Чужака. М.: Пролеткульт, 1926. С. 166.*)

⁴³ Разговорная версия латинского языка, «вульгарная латынь»

⁴⁴ Возможно, речь идет о французском парфюмере Эрнесте Генрихе Бо (1881–1961). О нем см.: *Веригин К. М. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. М., 1996.*

⁴⁵ Речь идет о книге – собрании ста новелл итальянского писателя Дж. Боккаччо «Декамерон» (1352–1354).

⁴⁶ Об этом см. подробнее: *Шайкевич А. Петербургская богема. (М. А. Кузмин) // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд. М., 1993. С. 236–238.*

⁴⁷ Щепкин Сергей Александрович (род. 1962) – американский пианист русского происхождения.

⁴⁸ Возможно, речь идет о гавоте Кузмина из балета «Выбор невесты». См.: Гавот из балета «Выбор невесты». М. и др.: Циммерман, б. г.

⁴⁹ В настоящее время: Российский государственный институт сценических искусств.

⁵⁰ Наппельбаум Ида Моисеевна (в замуж. Фроман) (1900–1992) – поэтесса и мемуаристка.

⁵¹ Царенкова Екатерина Михайловна (урожд. Фракман) – дочь И. М. Наппельбаум.

⁵² О Кузмине см. в воспоминаниях: *Наппельбаум И.* Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995, по указ.

⁵³ Басалаев Иннокентий Мемнонович (1897–1964) – поэт, журналист, второй муж И. М. Наппельбаум.

⁵⁴ Речь идет о литературном журнале «Звезда», который начал выходить в Петрограде в 1924 и ведет свою деятельность поныне.

⁵⁵ Речь идет о воспоминаниях И. М. Басалаева «Записки для себя», хранятся в ОР РНБ (ф. 1076). Озвученные фрагменты позже были опубликованы, см.: *Басалаев И.* Записки для себя / Предисл. А. И. Павловского, публ. Е. М. Царенковой, примеч. А. Л. Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. 1996. Вып. 19. С. 370–372, 465–468.

⁵⁶ В настоящее время Мариинская больница; в советское время носила имя В. В. Куйбышева, но в среде творческой интеллигенции всегда именовалась по имени своего попечителя принца П. Г. Ольденбургского.

⁵⁷ См.: *Кузмин М.* Прощание Гектора с Андромахой. Перевод из «Илиады» Гомера // Звезда. 1933. № 6. С. 69–73; во вступительной заметке Кузмин писал: «Не могу <...> не выразить своей благодарности С. Я. Маршаку, благодаря которому я взялся за эту работу (увы, не полную), доставившую мне на долгое время самые чистые и плодотворные радости» (Там же. С. 71). См. также: *Кузмин М.* Дневник 1934. С. 223.

⁵⁸ См. примеч. 32.

⁵⁹ См.: Цыганский барон. Оперетта в трех действиях И. Штрауса. Либретто (нем.) И. Шницлера по роману М. Йокаи, русский текст М. Кузмина. Премьера состоялась 7 марта 1932 в Ленинградском Театре Музыкальной комедии, постановка – П. Вейсбрем, дирижер – Н. Спиридонов, художник – Е. Якунина. балетмейстеры – Г. Богданов и М. Шпалютин.

⁶⁰ В настоящее время часть Волковского кладбища в Санкт-Петербурге. Отзывы на постановку см.: *Басалаев И.* Записки для себя. С. 492–493.

⁶¹ О В. М. Саянове см. с. 586 наст. изд., примеч. 54.

⁶² Фроман (Фракман) Михаил Александрович (1891–1940) – писатель, переводчик, секретарь Ленинградского Союза поэтов.

⁶³ Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) – поэт и переводчик, журналист.

⁶⁴ Вероятно, имеется в виду Юр. Юркун (Иосиф Юркунас) (1895–1938) – писатель, художник.

⁶⁵ 2 строка стихотворения Кузмина «Первый удар» из книги «Форель разбивает лед» (Ср.: *Кузмин М.* Стихотворения. С. 532)

⁶⁶ Речь идет вероятно об изд.: *Юркун Юр.* Шведские перчатки. Роман в 3 ч. С предисл. М. Кузмина. Пб.: Тип. «Печатный труд», 1914. Кроме того известны прозаические произведения Юркуна: сборник «Рассказы, написанные на Кирочной ул., в доме под № 48» (Пг.: Лукоморье, 1916) и роман «Дурная компания», изданный с рисунками Анненкова (Пг.: Фелана, 1918).

⁶⁷ Возможно, речь идет о матери Юр. Юркуна Веронике Карловне Амбразевич (ум. 1938), польского происхождения.

⁶⁸ О знакомстве Кузмина с Н. С. Гумилевым см.: *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 235. 10 июня 1910 Кузмин подарил и надписал свою фотографию: «Дорогой и многоуважаемой Анне Андреевне Гумилевой с искренней дружественностью М. Кузмин». (Там же.). Об отношениях с Ахматовой см.: *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Ахматова и Кузмин // *Russian Literature*. 1978. Vol. IV. № 3. С. 213–305.

⁶⁹ Дебютная публикация Кузмина: *Кузмин М.* XIII сонетов. Лето–осень 1903 г. // Зеленый сборник стихов и прозы. СПб.: Кн. изд-во «Щелканово», 1905 [1904]. С. 57–71.

⁷⁰ Хлебников Велимир (Виктор Владимирович Хлебников) (1885–1922) – поэт-фуртурист.

⁷¹ Шайкевич Андрей Анатольевич (1903–1972) – поэт, писатель, редактор, критик, инженер.

⁷² Цитируется «Выноска третья» из цикла Кузмина «Панорама с выносками». (См.: *Кузмин М.* Стихотворения. С. 552).

⁷³ Речь идет о прижизненном собрании сочинений Кузмина в 9 томах, первый том вышел в Петрограде в 1915, девятый – в 1918.

⁷⁴ Речь идет о групповой фотографии, сделанной М. С. Наппельбаумом на праздновании 20-летия литературной деятельности Кузмина в 1925. На фотографии кроме Кузмина – Евсей Старосельский, Ида Наппельбаум, Антон Шварц, Ольга Черемшанова, Юрий Юркун, Александр Введенский, С. Челнов, Лиля Наппельбаум, Фредерика Наппельбаум, Константин Вагинов, Павел Медведев, Анна Радлова, Михаил Кузмин, Всеволод Рождественский, Нина Шишкина, Владимир Чернявский, Николай Клюев, Константин Федин, Александра Федорова, Тамара Данилова, Василий Калужнин, Михаил Фроман, Валентина Баршева, Анна Ахматова, Михаил Лозинский, Сергей Радлов, Евгений Шварц, Николай Чуковский, Захар Хацревин, Николай Баршев, Ф. Бунина, Наталья Сурина. Опубл.: *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха.

⁷⁵ Добычин Леонид Иванович (1894–1936) – писатель.

⁷⁶ Из 5 рассказов, составивших сборник «Вечера и старухи» при жизни Добычина был опубликован только один под названием «Козлова». См.: *Добычин Л.* Полное собр. соч. и писем / Сост., вступ. ст. и примеч. В. С. Бахтин. СПб., 1999. С. 331–359.

⁷⁷ Там же. С. 325 (письмо от 30 мая 1924).

⁷⁸ Ср.: из письма Добычина М. Л. Слонимскому от 18 сентября 1925: «Я придумал лесбический рассказ “Расстратчица”. Он будет: а) Созвучен Нашей Эпохе, б) понравится Кузьмину <sic>, этому гордецу (если Вы помните, что я Вам про него сообщал)». (Там же. С. 277).

⁷⁹ Молдавский Дмитрий Миронович (1921–1982) – литературовед, критик, фольклорист, поэт, переводчик.

⁸⁰ Чичерина Софья Николаевна (1904–1983) – пианистка, композитор.

⁸¹ Сац Наталия Ильинична (1903–1993) – театральная режиссер, публицист, драматург, педагог.

⁸² Знакомству с Кузьминым Н. И. Сац, вероятно, способствовало общение Кузмина с ее отцом Ильей Александровичем Сацом (1975–1912). См.: *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха. С. 311.

⁸³ Речь идет о Чичерине Георгии Васильевиче (1872–1936), государственном деятеле, дипломате, с которым Кузмин был в переписке. См.: *Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 315–459.

⁸⁴ Бахтин Владимир Соломонович (1923–2001) – критик, историк литературы, фольклорист.

⁸⁵ См.: Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. 1934–1981 / Авт.-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1982. С. 173–174.

⁸⁶ Чичерина Наталья Дмитриевна (р. 1936), биолог, внучатая племянница Г. В. Чичерина.

⁸⁷ В РНБ хранятся копии двух романсов Кузмина на стихи К. Д. Бальмонта: «Лилии» (РНБ, ф. 400, ед. хр. 70) и «Тишина» (РНБ, ф. 400, ед. хр. 93) из архива Г. В. Чичерина.

⁸⁸ Петров Всеволод Николаевич (1912–1978) искусствовед, писатель, мемуарист.

⁸⁹ Петров Николай Николаевич (1876–1964), онколог-хирург, академик.

⁹⁰ См.: *Петров В.* Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал. 1986. Кн. 163. С. 81–116.

⁹¹ С разночтениями: Там же. С. 109.

⁹² Кушнер Александр Семёнович (род. 1936) – поэт, эссеист.

⁹³ Речь идет о статье: *Кушнер А.* Музыка во льду // Кушнер Александр. О поэтах и поэзии.: статьи и стихи. М., 2018. С. 368–385. См. также его «Заметки на полях» (Новый мир. 1996. № 5. С. 203–216) и стихотворение ««Остались детали», – Кузмин говорил Юркуну...»:

«Остались детали», – Кузмин говорил Юркуну
В больнице, когда навестил его друг перед смертью.
А если б не умер, не знаю, простил бы страну,
Способную к самому лютому жестокосердью?

На том же проспекте попал бы в застенки глухой
В начале Литейного, а не лежал бы в больнице.
Тогда и последняя фраза была бы другой,
И кто б рассказал нам о ней, неужели убийцы?

Люблю Кузмина, обойденного славой. Знаток
В «Сетях» и «Форе́ли» расслышит любовь и смирение.
В стихах его Гринок – шотландский мелькнул городок,
Но он не уехал в Шотландию – нам в утешенье.

Никто не бессмертен. Подумай, как нам повезло:
В палате, при клене, в окне шелестящем на воле!
«Остались детали» – не самое страшное зло.
Спасибо скажи Кузмину, как учителю в школе.

(*Кушнер Александр.* Земное притяжение. Книга новых стихов. М., 2015. С. 44).

⁹⁴ Речь идет о статье К. И. Чуковского «Ахматова и Маяковский», впервые: Дом искусства. 1921. № 1. С. 23–42, переизд. Е. Ц. Чуковской в журнале «Вопросы литературы» (1988. № 1. С. 177–205).

⁹⁵ Ср.: «Посылаю “Anno Domini” А. Ахматовой и две толстые книги Маяковского. У Маяковского Вы найдете много замечательного и очень современного (напр., “Мистерия Буфф”, “150. 000. 000”), но не напрасно Чуковский соединил эти два имени.

Оба поэта, при всем их различии, стоят на распутии. Или популярность, или дальнейшее творчество. Люди не терпят движения, остановки недопустимы в искусстве. Творчество требует постоянного внутреннего обновления, публика от своих любимцев ждет штампов и перепевов. Человеческая лень влечет к механизации чувств и слов, к напряженному сознанию творческих сил нудит беспокойный дух художника. Только тогда сердце по-настоящему бьется, когда слышишь его удары. Никаких привычек, никаких приемов, никакой набитой руки! Как только зародилось подозрение в застое, снова художник должен ударить в самую глубь своего духа и вызвать новый родник, – или умолкнуть. На безмятежные проценты с капитала рассчитывать нечего. И Маяковский, и Ахматова стоят на опасной точке поворота и выбора. Что будет с ними, я не знаю, я не пророк. Я слишком люблю их, чтобы не желать им творческого пути, а не спокойной и заслуженной популярности. Покуда шлю Вам их книги» (*Кузмин М. Письмо в Пекин // Кузмин М. Условности (сборник статей об искусстве). Пг.: Полярная звезда, 1923. С. 166–167).*